

ИСТОЧНИКИ СКАЗКИ С. Т. АКСАКОВА «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК»

Самое «фольклорное» из произведений С. Т. Аксакова — сказка «Аленький цветочек», написанная в 1856—1857 годах по воспоминаниям детства для внучки Оленьки.¹ Сказка эта в первый раз увидела свет в 1858 году как приложение к повести «Детские годы Багрова внука». Часть автобиографической повести, сказка отражает этические взгляды С. Т. Аксакова. Все особенности характеров встречающихся ему людей Сережа Багров пытается осмыслить под углом зрения своих детских представлений о хорошем и плохом. Эти представления во многом навеяны «Аленьким цветочком».²

История произведения рассказана самим Аксаковым. Она началась в 1797 году в деревне Ново-Аксакове, Бугурусланского уезда Самарской губернии, куда родители С. Т. Аксакова переехали на постоянное жительство после смерти деда писателя Степана Михайловича. «По со-

вету тетушки, — вспоминает С. Т. Аксаков, — для нашего усыпления позвали один раз ключницу Палагею, которая была великая мастерица сказывать сказки и которую даже покойный дедушка любил слушать. . . Пришла Палагея, не молодая, но еще белая, румяная и дорожная женщина, помолилась богу, подошла к ручке, вздохнула несколько раз, по своей привычке всякий раз приговаривая: „Господи, помилуй нас, грешных“, села у печки, подгорюнилась одною рукою и начала говорить, немного нараспев: „В неким царстве, в неким государстве. . .“ Это вышла сказка под названием „Аленький цветочек“ . . . Эту сказку, которую слышал я в продолжение нескольких годов не один десяток раз, потому что она мне очень нравилась, впоследствии выучил я называть и сам сказывал ее, со всеми прибаутками, ужимками, оханьем и вздыханьем Палагеи» (т. 1, с. 495—496).

Для «мальчика с блестящими глазами и нежным сердцем»³ существовал лишь один источник сказки — сказительница Палагея или Пелагея. В сказке Пелагея будущему писателю показалась «стоящим вниманья» «странное сочетание восточного вымысла, восточной постройки и многих, очевидно, переводных выражений, с приемами, образами и народною нашею речью» (т. 1, с. 496). Как же он был поражен, когда несколько лет спустя обнаружил еще одну такую же сказку под названием «Красавица и Зверь», напечатанную на страницах переведенного с французского языка сборника «Детское училище». «С первых строк, — вспоминает Аксаков, — показалась она мне знакомою и чем далее, тем знакомее;

¹ В письме С. Т. Аксакова от 23 ноября 1856 года к сыну Ивану читаем: «Я теперь занят эпизодом в мою книгу: я пишу сказку, которую в детстве я знал наизусть и рассказывал на потеху всем со всеми прибаутками сказочницы Палагеи. Разумеется, я совсем забыл о ней; но теперь, роюсь в кладовой детских воспоминаний, я нашел во множестве разного хлама кучу обломков этой сказки, а как она войдет в состав „Дедушкиных рассказов“, то я принялся реставрировать эту сказку. Я написал уже 7 листов, и, кажется, еще будет столько же» (Аксаков С. Т. Собр. соч. в 4-х т., т. 1. М., 1955, с. 630; далее ссылки на это издание приводятся в тексте).

² Подробнее см.: Шаров А. И. Волшебники приходят к людям. Книга о сказке и сказочниках. М., 1974, с. 17—51.

³ Там же.

наконец, я убедился, что это была сказка, коротко известная мне под именем: „Аленький цветочек“, которую я слышал не один десяток раз в деревне от нашей ключницы Пелагеи» (т. 2, с. 38). «Содержанию „Красавица и зверь“, или „Аленький цветочек“, — замечает С. Т. Аксаков, — суждено было еще раз удивить меня впоследствии. Через несколько лет пришел я в Казанский театр слушать и смотреть оперу „Земпра и Азор“ — это был опять „Аленький цветочек“ даже в самом ходе пьесы и в ее подробностях» (т. 2, с. 39).

Что за произведения здесь имеются в виду? Первое — это «Детское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и знатыми разных лет ученицами, сочиненные на французском языке госпожой Ле Пренс де Бомонт» и изданные в первый раз по-французски в 1757 году, а по-русски четыре года спустя.⁴ Второе произведение — это опера французского композитора А.-Э.-М. Гретри «Земпра и Азор», либретто которой было написано в 1771 году на сюжет «Красавицы и Зверя» Ж.-Ф. Мармонтелем.⁵ Действующие лица оперы — Азор, персидский князь, царь Кампра, «имеющий страшный вид», Сандер, купец, Земпра, Фадли и Лисбе, его дочери, Али, невольник Сандера, духи и волшебницы. Действие происходит то в волшебном замке Азора, то в загородном доме персидского купца Сандера.

Русским читателям XVIII века было известно еще одно сочинение на этот же сюжет. Это пьеса французской писатель-

ницы С.-Ф. Жанлис «Красавица и Чудовище», сочиненная в 1779 году.⁶ В ней всего три действующих лица: Фанор, «дух в ужасном образе», Сирфея и Федима, подруги, похищенные духом из родительского дома. Действие происходит под сенью пальм в доме Фанора, над входом в который было написано: «Вход для всех несчастных».

Во Франции конца XVII—первой половины XVIII века, в переходное время от классической эпохи к эпохе Просвещения, значительно возрос интерес к народным сказкам, занявшим место средневековых фабль и легенд. В то время вышли в свет многочисленные сборники литературных сказок, в том числе: «Сказки моей матери Гусыни» Ш. Перро (1697), волшебные сказки феи Ж.-Ж. Леритье де Вильдони (1696), графини Де Мюра (1698), графини Д'Онуа (1698), мадмуазель Де Ла Форс (1698), аббата де Прешак (1698), графа Гампльтона (1730), Г.-С. Вилленев (1740), Ж.-М. Ле Пренс де Бомон (1757) и многие другие.⁷ Во французском фольклоре издавна бытовали сказки о зачарованном принце или юноше, превращенном в животное, и о девушке, которая силою своей любви расколдовывает его. Эти сказки с конца XVII века стали принимать литературную форму. Таковы, например, сказки Д'Онуа «Принц-Кабанчик» и «Баран», Ш. Перро «Хохлик», а также одна из «Морских сказок» Г.-С. Вилленев.⁸

Графиня Бомон, урожденная Ле Пренс, заимствовала основу своей сказки «Красавица и Зверь» у Вилленев, добавив к ней наставления морального свойства и ряд деталей.⁹ Сказительницей

⁴ Le Prince de Beaumont J.-M. Magasin des enfans ou dialogues d'une sage gouvernante avec ses élèves de la première distinction. Londres, 1757. Rééditions: Lyon, 1758; La Haye—Leiden, 1759; Lyon, 1768; Neuchatel, 1780 и многие другие. Русский перевод Петра Свищунова был издан в Санкт-Петербурге в 1761—1767 годах, в четырех частях. Впоследствии, с 1776-го по 1796 год «Детское училище» М. Ле Пренс де Бомон много раз переиздавалось. Подробнее см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. II. М., 1964, с. 145—146 (№№ 3624—3631). О распространении в России переводов из Бомон см.: Ralston W. R. S. Beauty and the Beast. — The Nineteenth century. London, 1878, July—December, p. 990—1012; Liestol K. Litteraere eventyr og segner i folketraditionen. — Maal og minne, Oslo, 1918, p. 89—105.

⁵ Marmontel J.-F. Zémire et Azor, comédie-ballet en vers et en quatre actes, mêlée de chants et de danses. Paris, 1771. Русский перевод см.: Земпра и Азор, опера в четырех действиях, соч. г. Мармонтелем. Положена на музыку г. Гретри. Перевод с французского изданием Н. Новикова и компании. М., 1783; 2-е изд., СПб., 1784.

⁶ Genlis S.-F., de. Théâtre à l'usage des jeunes personnes, vol. 1. Paris, 1779. Русский перевод см.: Театр для пользы юношества. . . № 2. Красавица и чудовище. Комедия. М., Унив. тип. Н. Новикова, 1779; 2-е изд., 1780.

⁷ См.: История французской литературы, т. 1. С древнейших времен до революции 1789 года. М., 1954, с. 580—582; Storer M. E. Le monde des contes de fées (1685—1700). Un episode littéraire de la fin du XVIIe siècle. Paris, 1928. Многочисленные французские сказки были собраны и изданы Ж.-Ш. Мейером в многотомном «Cabinet des fées» (vol. 1—41. Genève — Paris, 1785—1789).

⁸ Villeneuve G.-S.-B.-G. La jeune Américaine ou les contes marins, vol. 1. La Haye, 1740. Библиографию литературы о ней см.: Cioranescu A. Bibliographie de la littérature française du dix-huitième siècle, t. III. R—Z et index. Paris, 1969, p. 1759—1760.

⁹ Obregon Ignacio de, Le Pere. Elogio historico de Madama M. Le Prince de Beaumont. Madrid, 1784. Библиографию литературы о ней см.: Cioranescu

у Вилленев выступает старушка, развлекающая одну семью, следующую на корабле из Франции в Вест-Индию, а у Бомон — мадмуазель Бонна, рассказывающая свои сказки в воспитательных целях леди Спиричуэл и леди Сенсэ, а также детям из аристократических семей. «Magasin des enfants» был популярным детским чтением в Европе. Неудивительно, что он был переведен и в Россию.

Век Просвещения, вторая половина XVIII века, отмечен в России повышенным интересом к русской народной и литературной сказке. Тогда вышли в свет многочисленные сказочные сборники: «Пересмешник, или Славенские сказки» М. Д. Чулкова (1766—1768), «Славенские древности, или Приключения славенских князей» М. И. Попова (1770—1771), «Русские сказки» В. А. Левшина (1780—1783); отдельными изданиями выходили сказки о Бове-Королевиче, Еруслане Лазаревиче, Шемякинном суде, Ерше Ершовиче, Полкане и т. п.; многие писатели пробовали свои силы в жанре литературной сказки (И. А. Крылов, Евграф Хомяков, Екатерина II, Сергей Глинка, Н. М. Карамзин и др.).¹⁰ Волшебнорыцарский роман и волшебные сказки о феях выросли из народной сказки, и потому элементы народного творчества составляли в то время основу быстро развивающейся беллетристики, в числе жанров которой литературной сказке принадлежало видное место.¹¹

Во второй половине XVIII века сказка Бомон «Красавица и Зверь» получила широкое распространение в России не только в печатных изданиях, но и в рукописях. За три года до выхода в свет перевода Петра Свистунова, в 1758 году, эту сказку уже перевела на русский язык Хиония Григорьевна Демидова, дочь владельца уральских заводов Григория Акинфиевича Демидова.¹²

Затем с рукописи Демидовой стали сниматься копии и распространяться в народе в виде рукописных тетрадок.¹³ Сказка вошла в состав известного в рукописях «Разговора госпожи Благоразумовой, Остроумовой и Вертопраховой»¹⁴ и послужила источником рукописной «Истории о французском короле и его дочери Красавице», произведения русской рукописной демократической литературы XVIII века.¹⁵ К этому необходимо добавить, что проникновение французской литературной сказки в русскую литературу и даже фольклор было нередким явлением. Так, в XVIII веке французские легенды о святой Женевиеве переделываются в лубочную «Сказку о трех королевичах» и «Сказку о Дурине-Шарине», а французская сказка «Catherine La Sotte» превращается в русскую сказку о Катерине.¹⁶

Как же французская сказка стала известна простой русской крестьянке Пелагее, не умевшей ни читать, ни писать? Биографию Пелагеи мы можем восстановить со слов Аксакова. Во время крестьянской войны 1773—1775 годов под руководством Емельяна Пугачева отец Пелагеи, крепостной помещиком Алакаевых, бежал от хозяев вместе с дочерью в Астрахань. Там Пелагея прожила 20 лет, вышла замуж, потом овдовела, служила в купеческих домах, в том числе у купцов-персов, а в 1796 году вернулась к наследнику Алакаевых С. М. Аксакову в Ново-Аксаково. «Пелагея, — вспоминает Аксаков, — кроме досужества в домашнем обиходе, принесла с собою необыкновенное дарование сказывать сказки, которых знала несчетное множество. Очевидно, что жители Востока распространили в Астрахани и между русскими особенную охоту к слушанию и рассказыванию сказок. В обширном ска-

с с и А. О. cit., т. II. Е—Q, p. 1099—1100.

¹⁰ См.: Савченко С. В. Русская народная сказка. (История собрания и изучения). Киев, 1914, с. 68 и далее; Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII вв.). Вступ. ст., подг. текста и комм. Н. В. Новикова. Л., 1971. Библиографию изданий XVIII века см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. I—V. М., 1962—1967.

¹¹ См.: Сиповский В. В. 1) Из истории русского романа и повести (Материалы по библиографии, истории и теории русского романа), ч. I. XVIII век. СПб., 1903; 2) Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1—2. СПб., 1909—1910.

¹² Головщиков К. Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881, с. 132. Автограф Х. Г. Демидовой, дар брату Петру, см. в рукописи Саратовского университета им. Н. Г. Чернышев-

ского (собр. И. А. Шляпкина, № 456/227, 34 л.). В ГПБ (шифр 38.34.3.38) хранится «Санкт-Петербургский календарь, который есть простое, содержащее в себе 365 дней сочинение на знатные места Российской империи на лето 1763» (СПб., 1762). На календаре имеются пометы Х. Г. Демидовой, что позволяет установить ее почерк.

¹³ См., например, рукописи: Ленинградского университета им. А. А. Жданова, № XVII, л. 24—43; Научной библиотеки Сибирского филиала Академии наук СССР, собр. М. Н. Тихомирова, № 63, 19 л.

¹⁴ См. рукопись ГИМ, Музейское собр., № 3081.

¹⁵ См. комментарий М. К. Азадовского и Н. П. Андреева к сказкам Афанасьева в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, в 3-х т., т. 2. Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М., 1938, с. 638.

¹⁶ Савченко С. В. Указ. соч., с. 105.

зочном каталоге Пелаген вместе со всеми русскими сказками находилось множество сказок восточных, и в том числе несколько из „Тысячи и одной ночи“. Дедушка обрадовался такому кладу, и как он уже начинал хворать и худо спать, то Пелагея, имевшая еще драгоценную способность не дремать по целым ночам, служила большим утешением больному старику. От этой-то Пелаген наслушался я сказку в долгие зимние вечера. Образ здоровой, свежей и дородной сказочницы с веретенем в руках за гребнем неизгладимо врезался в мое воображение, и если бы я был живописец, то написал бы ее спящую минуту, как живую» (т. 2, с. 38—39).¹⁷

Итак, именно в Астрахани в 70—90-е годы у Пелагеи сложился свой сказочный репертуар, в состав которого, по Аксакову, входили русские народные сказки «Царь-девица», «Иванушка-дурачок», «Жар-птица», «Змей-Горыныч», а также некоторые восточные сказки из «Тысячи и одной ночи» и, наконец, «Аленький цветочек». Арабские сказки «Тысяча и одна ночь» в переводе с французского были широко распространены в демократической рукописной литературе XVIII века,¹⁸ известны были и многочисленные издания переводов.¹⁹ Маленький Сережа зачитывался сказками Шехерезады, которые ему давал читать знакомый матери П. И. Чичагов (см. т. 1, с. 459—460). Стало быть, книжный ориентализм «Аленького цветочка», прояв-

¹⁷ О Пелагее как сказительнице писали А. М. Астахова, А. М. Шаров, Н. В. Новиков. См.: Русское народное поэтическое творчество, т. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. М.—Л., 1955, с. 376—377; Шаповалов А. И. Указ. соч., с. 17—51; Русские сказки в записках и публикациях первой половины XIX века. М.—Л., 1961, с. 11—12.

¹⁸ Нам известны следующие рукописи: ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 2332, перевод Л. Молдавского, 1739 год; Саратовский университет им. Н. Г. Чернышевского, собр. И. А. Шляпкина, № 598/351/212, перевод А. Филатьева, 1780-е годы; ЦГАДА, собр. ЦГАЛИ (ф. 1338), оп. 1, № 189; ГАСО, Научно-справочная библиотека, собр. Выйского училища, №№ 1753—1754, третья четверть XVIII века, и мн. др.

¹⁹ Тысяча и одна ночь, сказки арабские. Пер. с арабского на французский Г. Голландом, а с сего на русский язык А. Филатьевым, 12 частей. М., 1762—1771; 2-е изд., 1776—1784; 3-е изд., 1789; 4-е изд., 1796. В 1794—1795 годах в Москве это сочинение выходило в другом переводе в восьми частях как «Тысяча и одной ночи продолжение»; еще один перевод «Продолжения» выходил в Смоленске в 1795 году.

ляющийся, например, в таких словосочетаниях, как «золото аравийское», «хрусталь восточный», «кармазинное сукно», в описании дворца Зверя лесного, чуда морского и его сада, в рассказе о «тувалете» дочери персидского короля, в упоминании разбойников «бусурманских, турецких да индейских, нехристей поганых» и пр., следует отнести как на счет Пелагеи, так и на счет Аксакова, знакомых с арабскими и персидскими сказками.

До Пелагеи французская сказка, вероятно, дошла следующим путем: перевод из «Детского училища» был усвоен русским фольклором либо через посредство рукописей, либо через печатные источники и стал известен Пелагее в Астрахани в пересказе. В русском фольклоре издавна бытовала подобная же сказка. Здесь могло произойти наложение одного (книжного) материала на другой (чисто фольклорный). Пелагея могла вполне быть сотворцом именно этого варианта сказки: она расцветила основной сюжет чисто русскими сказочными мотивами, народными оборотами речи, шутками, прибаутками, пословицами и поговорками.

Теперь нам необходимо обратиться к записям сказок в русском, восточнославянском, а может быть, и в мировом фольклоре для того, чтобы проверить наш основной тезис: сказка, подобная «Аленькому цветочку», до Аксакова уже существовала. Первый факт следующий: не позднее, чем в 30-е годы XIX века, такая сказка была записана В. И. Далем и вошла в 7-й выпуск «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева.²⁰ Известно, что А. Н. Афанасьев получил от В. И. Даля записи 150 сказок, которые целиком составили 4-й, 6-й и 7-й выпуски его «Народных русских сказок», а сказка «Заклятой царевич», имеющая некоторое сходство с «Аленьким цветочком», увидела свет в 1863 году, как раз в 7-м выпуске.²¹ Согласно указателям сказочных сюжетов Аарне—Андрева и Аарне—Томпсона, Барага и др., сказка «Аленький цветочек» рассматривается как ответвление 425-го типа волшебных сказок «Поиски потерянного мужа», где муж или жених превращен волшебными чарами в чудовище.²² Отдаленный первообраз

²⁰ Первое издание текста см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, вып. VII. СПб., 1863, № 15; в последующих переизданиях под №№ 155 или 276.

²¹ Савченко С. В. Указ. соч., с. 138.

²² Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, с. 34; The types of the folktales. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC n3). Translated and enlarged by Smith Thompson. Second revision. Helsinki, 1961, p. 143; Сравнительный указатель

типа 425 — «Амур и Психея» из «Милетских рассказов» Аристида Милетского (II—I века до н. э.).²³ «Аленький цветочек» относится к подтипу 425 С, его особенность в счастливой концовке: 1) вернувшись из родного дома во дворец или в дом зачарованного жениха, девушка застаёт его бездыханным, 2) она оживляет его и разрушает заклятие объёмом и поцелуем, обещая выйти за него замуж.²⁴ Сказка типа 425 была распространена по всей Европе, в Сибири, на Филиппинских островах, на островах Гаити, Маргинике, Английских, в Бразилии, но подтип 425 С, согласно исследованию шведского фольклориста Яна-Ойвинда Свэна,²⁵ встречается только у французских писателей середины XVIII века Вилленев и Бомон, а также в позднем фольклоре — русском, немецком²⁶ и греческом.²⁷ У чешской писательницы Божены Немцовой есть одна подобная сказка — «Мохнатое чудовище» или «Бутон розы»,²⁸ скорее всего взятая ею у Бомон. Подтип 425 С по Свэну происходит от подтипа 425 В, он полностью литературного происхождения. Но от этого подтипа 425 С не теряет своего значения. Напротив, он приобретает ещё большую ценность, так как предоставляет возможность для исследования проблем взаимодействия фольклора и литературы. Сказка подтипа 425 В по Свэну бретонского происхождения. От бретонцев она попадает к ирландским кельтам и французам, а от последних к немцам, итальянцам и русским.²⁹

По данным последнего справочника — «Сравнительного указателя сюжетов восточнославянской сказки», в настоящее время известно 17 вариантов сказки под-

сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Баран, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979, с. 132.

²³ Tegethoff E. Studien zum Märchentypus von Amor und Psyche. Bonn—Leipzig, 1922; S o b e r g J. The tale of Cupid and Psyche in Classica et Mediaevalia. Kopenhagen, 1938; Р р о п п В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 113—115; S w a h n J.-O. The tale of Cupid and Psyche. Lund, 1955; M e g a s G.-A. Das Märchen von Amor und Psyche in der griechische Volksüberlieferung. Athen, 1971.

²⁴ S w a h n J.-O. Op. cit., p. 31—32.

²⁵ Ibid., p. 296—312, 439—440.

²⁶ Die Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd 3. Berlin, 1957, S. 152.

²⁷ M e g a s G.-A. Op. cit., S. 136—140.

²⁸ N ě m s o v a B. Sloveňské pohádky a pověsti, II. — Spicý Boženy Němcové. Sv. devátý. Praha, 1953, s. 184—188 («Ružový puk»). I-е издание сказки вышло в Праге в 1858 году.

²⁹ S w a h n J.-O. Op. cit., p. 437.

типа 425 С в русском фольклоре, 5 — в украинском, 2 — в белорусском.³⁰ Внимательное рассмотрение изданных текстов позволяет уточнить эти данные. Так, не имеют никакого отношения к 425 С сказки «Аннушка-несмеянушка» из записей И. А. Худякова,³¹ «Медведь-царевич» из записей Г. Бондаря,³² «Морской царь и купеческая дочь» в издании А. М. Смирнова,³³ «Блюдечко и наливное яблочко» из записей Вл. Бахтина³⁴ и В. П. Кругляшовой,³⁵ «Кобалья голова» из записей Г. Я. Симиной.³⁶ Не нашли мы нашей сказки и в украинском издании С. Далавурака и М. Ивасюка.³⁷ Оказались нам недоступными записи сказок И. Калининкова и одна из карельских сказок (Карелия. Альманах Союза советских писателей. Петрозаводск, 1938, с. 110—112). В «Сравнительном указателе сюжетов» одна из сказок в записи П. П. Чубинского отнесена к украинским, а на самом деле она белорусская и записана в Гродненской губернии.³⁸ Итак,

³⁰ Сравнительный указатель. . . , с. 132.

³¹ Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Изд. подг. В. Г. Базанов п О. Б. Алексева. М.—Л., 1964, № 40.

³² Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний, записанные Григорием Бондарем у русского населения в низовьях Ангары. — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. По этнографии. Т. I, вып. 3. Томск, 1906, № 5.

³³ Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества, вып. 1. Издал А. М. Смирнов. Пгр., 1917, № 84. (Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. XLIV, № 1).

³⁴ Господин леший, господин барин и мы с мужиком. Записки о сказочниках Д. М. Молдавского и сказки, записанные Вл. Бахтиным и Д. М. Молдавским. М.—Л., 1965, с. 161—162.

³⁵ Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка. Сост., автор вст. статьи и комм. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, № 9.

³⁶ Пинежские сказки. Собраны и записаны Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975, № 41.

³⁷ Чарівні горнятко. Казки. Записки С. Далавурака, М. Ивасюка, В. Вандурака та С. Пушка. Упорядники: С. Далавурак та М. Ивасюк. Ужгород, 1971.

³⁸ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной имп. Русским географическим обществом, Юго-западным отделом. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. Под ред. наблюдением П. А. Гильдебрандта. СПб., 1878, № 136.

сейчас мы располагаем 10 русскими (Даль—Афанасьев, Гераспмов, Смирнов, Ковалев, Коргуев, Чернышев, Тумилевич, Балашов, Соколова, Митропольская), 3 украинскими (Левченко, Липтур, Пушик) и 2 белорусскими (Чубинский и Сержцутowski) записями или вариантами сказки 425 С. Сопоставим их тексты между собой, а также со сказками Бомон и Аксакова.

Старший из сохранившихся текстов записей — вариант Даля—Афанасьева — озаглавлен «Заклятой царевич». Сравнение его с «Аленьким цветочком» показывает следующее: «Заклятой царевич» не был источником литературной сказки. Текст сказки краткий, стиль неукрашенный; в отличие от аленького цветочка Аксакова или розановой ветви Бомон цветок здесь не имеет названия, вместо чудовища страшного и мохнатого, Зверя лесного, чуда морского Аксакова или Зверя Бомон здесь фигурирует «безобразной крылатой змеей с тремя головами», похититель женщин традиционного русского фольклора. Есть и еще расхождение: у Аксакова и Бомон чудовищу все равно, какую из дочерей пришлет к нему купец, а в русской сказке змей ставит условие: «Кто тебя первой по приезде домой встретит, того мне на весь век отдай». И еще: у Аксакова и Бомон Зверь — это добрый хозяин дворца и сада, верный раб своей госпожи — младшей дочери купца, а в русской сказке змей — полновластный господин, он приказывает девушке стелить ему постель рядом с ее кроватью, а на третью ночь требует: «Ну, красная девица, теперь я с тобой на одной кровати лягу». «Страшно было купеческой дочери спать на одной постели с таким безобразным чудовищем, — говорится в сказке, — а делать нечего — скрепила свое сердце, легла с ним». У Аксакова и Бомон Красавица возвращается домой на побывку с помощью волшебного перстня, а в русской сказке — в коляске, перемещающейся мгновенно от дворца змея на купеческий двор. У Аксакова Зверь лесной был найден девушкой бездыханным на пригорке, где рос аленький цветочек, у Бомон — Зверь бросился с горя в канал, в русской сказке — в пруд. У Аксакова и Бомон Красавица обнимает Зверя и признается ему в любви, в русской сказке — она обнимает голову змея и целует его крепко-крепко, змей тут же превращается в доброго молодца, у Аксакова и Бомон — в принца.

Еще одно доказательство бытования сказки в фольклоре — «Аленький цветочек», записанный А. Н. Нечаевым в 1930-е годы со слов известного беломорского сказителя М. М. Коргуева.³⁹ Срав-

нение текстов показывает, что Коргуев в основном сохраняет традицию, передавая нам ту же самую сказку. По словам автора комментария А. Н. Нечаева, «наш вариант очень близок к „Аленькому цветочку“ Аксакова. Основное отличие — это стремление Коргуева придать сказке традиционный сказочный характер: неизменная тропность действия (например, купец три раза отправляется в плавание за цветком, а не один, как в других вариантах). Еще более интересным моментом является перенесение действия сказки в поморскую среду. Так, купец каждый год ходит на своих кораблях за границу за товарами; не может долго найти цветок, потому что дорого платить за простой в порту, необходимо ехать домой; обещает свезти на следующий год дочь за границу и т. д.»⁴⁰ Укажем на те детали, которые сближают текст Коргуева с текстом Аксакова. Это упоминание аленького цветочка, волшебного кольца, с помощью которого происходит перемещение героев в сказочное царство, описание богатств дворца и чудес сада, привольной жизни там героини, описание обстоятельств возвращения девушки в отчий дом на побывку, смерть Зверя в саду с аленьким цветком в лапах, освобождение «царевича» от чар верной ему Санечкой. Мотив приготовления постели чудовищу, имеющийся в варианте Даля—Афанасьева, у Коргуева, как и у Аксакова—Бомон, отсутствует. Добавим к этому, что корабли купца, которых нет в сказках Аксакова и Даля—Афанасьева, это либо дань Коргуева поморской традиции, либо восхождение к фольклорному первоисточнику, где, как у Бомон, фигурировали море и корабль.

Еще два варианта сказки — с Терского берега Белого моря и с Азовского моря — имеют названия «Аленький цветочек». Первая из них, записанная Д. М. Балашовым со слов сказительницы О. И. Самохваловой,⁴¹ излагает известный сюжет в сокращении. Здесь вместо купца действует старик, его дочери просят привезти им в подарок не венец и туалет, а платя. Старик забывает купить аленький цветок, идет мимо незнакомого сада, срывает розу, и тогда внезапно появляется страшный Зверь и требует привезти к нему одну из дочерей. Старик приезжает домой, раздает дочерям подарки и все им рассказывает. «А этот, знаешь, страшный Зверь — царь ли был, так сын у него, — говорится в сказке, — и его повернули страшным зверем. Кто его по-

М. М. Коргуева, кн. 2. Записи и комментарий А. Н. Нечаева. Статья о языке М. М. Коргуева в словарные пояснения проф. Б. А. Ларина. Петрозаводск, 1939, с. 242—247 (№ 42).

⁴⁰ Там же, с. 617.

⁴¹ Сказки Терского берега Белого моря. Изд. подг. Д. М. Балашов. Л., 1970, № 156.

³⁹ Сказки Карельского Беломорья, т. I. Под общей ред. М. К. Азадовского, Б. А. Ларина, Н. И. Мещанинова, А. А. Прокофьева, А. П. Чапыгина. Сказки

любит — досель, а не полюбит, не овернуть его».⁴² Тексты Аксакова и Самохваловой совпадают в деталях сюжета: надписи на стене, с помощью которых Зверь разговаривает с героиней, описание богатства дворца и великолепия сада, а также привольной жизни там девушки, рассказ о возвращении домой на побывку на три часа и поступок сестер, повернувших стрелку часов назад, и т. д.

Вторая сказка с этим же названием, записанная не так давно Ф. В. Тумилевичем у казаков-некрасовцев,⁴³ обнаруживает в деталях отклонение от основного сюжета. Вероятно, в казачьей традиции появились новые персонажи сказки: купец п его сын Василий, красавец; вместо купца с тремя дочерьми здесь действует бедный охотник с тремя дочерьми, младшую из них зовут Танюшей. Василий п Танюша полюбили друг друга, но купец заколдовал своего сына, превратив его в верблюда, построил в лесу для него дом, насадил сад п в нем аленький цветочек. В сказке рассказывается о том, что бедняк на базаре купил подарки для своих дочерей: сарафан п балахон, катювр п связку, однако не мог нигде найти аленький цветочек для младшей. Танюша сама отправляется на поиски заветного цветка, находит в лесу красивый дом и сад, поселяется в нем, таинственные слуги кормят ее п поят, во сне ей является Василий п просит сорвать аленький цветочек, который вырос выше человеческого роста. Девушке удается сорвать цветок п расколдовать своего жениха. История кончается свадьбой.

Один из вариантов этой же сказки с западных предгорий Алтая имеет название «Алая роза».⁴⁴ Здесь известный сюжет также дается в сокращении п без счастливого конца, как в подтипе 425 В. Вместо купца в сказке действует старик, он покупает на базаре сапоги п ботижки для двух дочерей постарше, а для младшей нигде не может найти алой розы. Наконец, он находит п срывает ее в пустынном саду, страшный голос велит старику отдать дочь хозяйну сада. Старик соглашается п с помощью волшебного кольца оказывается дома. Его младшая дочь с помощью того же кольца (как в тексте Аксакова—Бомон) перемещается в сказочное царство. Хозяин сада разговаривает с девушкой, не показываясь ей, п вскоре отпускает ее домой на побывку на два часа; девушка опоздала, а ее воз-

любленный с горя «решился». Она находит его мертвым в яме. Счастливого конца нет, что п характерно для русских сказок этого типа. Предполагаем, что Алтайский вариант — это усечение первоначального подтипа 425 С.

Близкую зависимость от текста Аксакова обнаруживает сказка «Чудо морское, зверь лесной», записанная у И. Ф. Ковалева, сказочника из дер. Шадрипо, Воскресенского района, Горьковской области.⁴⁵ Так, например, в ответ на просьбу средней дочери привезти ей хрустальный туалет, купец отвечает: «Знаю я, моя дочь милая, у персидской королевы, так я тебе его достану». Только в варианте Аксакова—Пелагея имеется персидская тема п этот рассказ про «тувалет»: «Хорошо, дочь моя милая, хорошая п пригожая, достану я тебе таковой хрустальный тувалет; а п есть он у дочери короля персидского, молодой королевшны, красоты несказанной, неописанной п негаданной; п схоронен тот тувалет в терему каменном, высокиим, п стоит он на горе каменной, вышина той горы в триста сажень, за семью дверьми железными, за семью замками немецкими, п ведут к тому терему ступеней три тысячи, п на каждой ступени стоит по вопну персидскому п день п ночь, с саблею наголо булатною, п ключи от тех дверей железных носит королевшина на поясе. Знаю я за морем такова человека, п достанет он мне таковой тувалет. Потяжеле твоя работа сестриной: да для моей казны супротивного пет» (т. 1, с. 584). Текст Ковалева восходит к тексту Аксакова—Пелагея: в них полностью совпадают основная линия сюжета п многие детали. Есть п различия: в сказке Ковалева аленький цветочек растет на бугре в золотом кубке; принц рассказывает девушке свою историю так: дядя-волшебник заколдовал сына царя из зависти к его богатству; Мама — первая из тринадцати девушек, полюбившая зачарованного принца.

Ответвлением первоначального сюжета «Аленького цветочка», его переработкой представляется сказка «Ореховая ветка», известная в трех записях: из Пушкинских Гор Псковской области, из Рязанской области, у русского населения Литвы.⁴⁶ Здесь вместо розы фигурирует

⁴⁵ Сказки И. Ф. Ковалева. Записали п комментировали Э. Гофман п С. Мпнд. Ред. академика Ю. М. Соколова. — Летопись Гослитмузея, кн. 11. М., 1941, № 84.

⁴⁶ Сказки п легенды Пушкинских мест. Записи, наблюдения п исследования чл.-корр. АН СССР А. И. Чернышева. М.—Л., 1950, № 12; Сказки земли Рязанской. Подг. текстов, вступ. ст. п комм. В. К. Соколовой. Рязань, 1970, с. 45—47; Русский фольклор в Литве. Исследование п публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975, № 66.

⁴² Там же.

⁴³ Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Собраны Ф. В. Тумилевичем. Ростов н/Д, 1958, № 22.

⁴⁴ Сказки, собранные в западных предгорьях Алтая священником Б. Герасимовым. — Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского филиала Западно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества, вып. VII. Семипалатинск, 1913, № 10.

ореховая ветка, вместо Зверя лесного, чуда морского — медведь, вместо дворца — пещера в лесу. Конеч сказки — традиционный: медведь расколдовывается и превращается в князя. История заканчивается свадьбой.

Украинские и белорусские варпранты мало дают для восстановления первоосновы русской сказки подтипа 425 С, поэтому мы их не рассматриваем.

В результате изучения всей восточнославянской традиции сказки подтипа 425 С мы можем прийти к следующему выводу: сказка эта существовала в фольклоре до Аксакова. Другое дело точная датировка и локализация сказки.

Очевидно, что, вопреки выводам Я.-О. Свэна, сказка подтипа 425 С существовала в русском фольклоре до Бомон, т. е. ранее середины XVIII века. Распространение во второй половине XVIII века в русской демократической среде рукописных версий французской литературной сказки Бомон привело к тому, что в фольклоре старый фольклорный текст соединился со сказкой Бомон и в таком виде был зафиксирован около 1797 года у Пелагеи. С. Т. Аксаков и взял впоследствии этот контаминированный текст за основу для своей литературной сказки, что в конце концов и объясняет близость текста Аксакова к тексту Бомон. Несомненно, что писатель многое добавил «от себя», немало и опустил. Он творил в духе русской сказочной традиции, но и не без книжной ориентации. В результате из-под его пера вышел совершенно новый текст, не повторяющий сказку Пелагеи и вместе с тем чрезвычайно близкий к ней. В настоящее время мы не можем отделить в этом тексте то, что принадлежит Аксакову, от того, что принадлежит Пелагее.

Сравнение двух текстов — текста Пелагеи—Аксакова и текста Бомон — показывает, что первые заимствовали из Бомон основную линию сюжета, основных действующих лиц и главные контуры композиции. Стиль, однако, претерпел большие изменения. По существу было создано совершенно новое произведение словесного искусства с конкретными образами, без аллегоризма; фантастическое существо в произведении только одно — это зачарованный принц. В тексте Пелагеи—Аксакова подверглось сокращению все лишнее, мешавшее развитию главного сюжета. Так, в русском тексте не упоминаются три сына купца и не говорится об их готовности сразиться со Зверем за отца; нет рассказа о разорении купца и переезде купеческой семьи в деревню, где она принуждена была в течение года добывать себе пропитание крестьянским трудом; нет известия о получении письма, сообщающего о том, что один корабль купца спасся и прибыл в порт с товарами; не подчеркивается дурное поведение двух сестер Красавицы, их спешивость, умственная ограниченность, моральная опустошенность, черствость, злобность и т. п.; нет известия о двух дворянах, женихах

сестер Красавицы, и о несчастливых их браках; не рассказывается о добродетельном поведении и трудолюбии Красавицы в доме отца; не сообщается, что девушка приехала к Зверю вместе с отцом; не говорится о волшебнице, которая явилась девушке во сне в первую ночь ее пребывания во дворце Зверя; не подчеркивается, что Красавица вначале опасалась, что Зверь может ее убить; не рассказывается о том, что Зверь с самого начала испытывал девушку своим страшным видом; нет сентенции Красавицы о том, что «не красота и не разум мужа веселить могут жену, но изрядной нрав, добродетель и учтивость; а Зверь все сии добрыя качества имеет»; ⁴⁷ ничего не сказано о превращении двух злых сестер в статуи.

Сравнительно с французским текстом Бомон в русский текст Пелагеи—Аксакова были внесены следующие изменения: распространен разговор купца с тремя дочерьми о подарках, во французском тексте бегло говорится о богатом платье, головных уборах и «другой мелочи»; подарки для дочерей купец находит в заморских странах, а не во дворце зачарованного принца, причем веточка с розами названа у Аксакова «аленьким цветочком»; во дворец Зверя купец попадает случайно, заблудившись в лесу, после того как на него напали разбойники; купец и затем его дочь попадают в волшебное царство с помощью кольца или перстня, а не на лошади, как во французской сказке; аленький цветочек сам, как по волшебству, прирастает к прежнему стеблю на муравчатом пригорке, где он прежде рос; Зверь лесной пшет письма купеческой дочери огненным словесами на мраморной стене, таким же образом она переписывается с домашними (этого нет во французской сказке); Зверь отпускает девушку домой на три дня, а не на неделю, и запаздывает она на несколько часов, а не на неделю; Зверь падает бездыханным на пригорке, обхватив лапами аленький цветочек, а не на берегу канала; S заключительными словами к своей иззавительнице обращается сам принц, а не волшебница.

На протяжении всего текста в русской литературной сказке заметна сильная стилистическая амплификация с избыточным применением сравнений, олицетворений, эпитетов в постпозиции, метафор и т. п. И вместе с тем, несмотря на значительную литературную обработку, придавшую произведению книжный характер, оно не порывает своей связи с фольклором, сохраняя ряд особенностей, присущих фольклорному произведению. Это особая сказочная форма повествования, сказочная обрядность, проявляющаяся

⁴⁷ Цит. по рукописи Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского, собр. И. А. Шляпкина, № 456/227 — «Повесть о Лабеле и Звере с французского перевела Хиония Демидова в Санкт-петербурге 1758 года», л. 26 об.

в устойчивости, стереотипности сказового стиля, в повторяемости одних и тех же мотивов, в числовой символике, в приеме наращивания эффекта, в параллелизме сказочных образов и мотивов. Взаимосвязь фольклорных и литературных поэтических рядов в «Аленьком цветочке» Аксакова вполне очевидна.

Таким образом, на примере истории одного сюжета мы наблюдаем, как первоначальный миф (волшебная сказка) трансформируется в литературное произведение — психологическую сказочную повесть, бывшую во второй половине XVIII века одним из жанров русской беллетристики. Графически наши выводы можно было бы выразить в виде следующей схемы:

